

Предисловие

Философия государства и власти — не отдельная научная дисциплина. Это направление размышлений, ищущих ответ на три вопроса: 1) что заставляет нас принимать властные действия других людей как должное и подчиняться? 2) что превращает эти действия в государственное устройство, которое мы принимаем как залог нашей свободы? 3) почему расширение свободы не опрокидывает государство и даже в анархической ситуации возрождаются многие свойства государства?

Эти вопросы не так просты. Неправильный ответ хотя бы на один из них может привести к мятежу, насилию и тирании. Философия политической власти исходит из небольшого круга понятий: суверенитет, закон, честь, привилегия, равенство, необратимое решение. Эти понятия часто кажутся противоречащими друг другу: как соединить свободу и равенство? Но противоречивая совокупность этих понятий и образует политическую стратегию, исключаящую тиранию и хаос.

Философы государства и власти не просто иллюстрировали свои мысли примерами. При-

меры у них часто бывали условными или случайно брались из истории. Но они умели встраивать отвлеченное политическое понятие в круг образных представлений: как человек бережет свою честь, или как суверенитет начинает действовать, а равенство становится не только экономическим, но и политическим.

Для философа власти недостаточно разобрать отдельные политические институты, например монархию или парламент. Нужно в красках изобразить, как существование этих институтов позволяет сбыться чести или суверенитету, и затем, как сбывшееся делает нашу жизнь справедливее и достойнее.

В нашей книге в каждой главе показано, как философ, герой главы, отличая государственную власть от любой другой власти, например семейной или корпоративной, реконструировал полностью институтов. Государство — это не просто отдельные функции, а целый космос институтов, к которому принадлежим и мы сами.

За образец книги был взят труд А. Макинтайра «После добродетели» (1981), только этическая проблематика заменена политической. Мы ставим ту же задачу, что и Макинтайр: построить отдельные наблюдения за людьми в науку о государстве и власти. Только наблюдательность позволяет правильно решить вопросы о природе власти, ее свойствах, возможностях и ограничениях.

Нужно рассуждать не о том, какие вопросы власть решала в такой-то исторический период или как она именовалась. Нужно разбирать, как стала возможна работа механизмов признания и доверия, когда отдельные действия стали называться реализацией власти. А затем нужно выяснить, как философы уточняли природу власти, о чем Макиавелли, Локк или Маркс спорили со всеми своими предшественниками.

Чтобы не сводить философию власти ни к философии частных форм управления, ни к философии революций, что было бы одинаково неверно, мы обратились к теории трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Впервые в мировой науке мы проследили, как великие мыслители, размышляя о природе власти, всякий раз по-новому перераспределяли полномочия между этими ветвями. Они всякий раз приписывали каждой ветви какие-то новые формы властвования — и так обосновывали автономию политики каждый раз на новом, более справедливом уровне.

Оторопеть перед сложным устройством власти и ее неотменимостью, но при этом потребовать от нее справедливости — подвиг каждого из философов, вошедших в эту книгу. Мы переберем традицию от Платона до наших дней, чтобы не просто рассуждать об отдельных свойствах власти или способах участия граждан в по-

литике, но понять, каких целей добивается любая власть. Мы говорим о *смысле жизни власти*: когда она теряла смысл, а когда — наделяла смыслом весь мир.

Чтобы раскрасить аргументы всеми красками, мы приводили объемные цитаты из философов. В конце книги приводятся источники текстов (при цитировании мы исправляли только опечатки и в квадратных скобках объясняли непонятные слова), а также дальнейшее чтение: статьи в отечественных журналах, которые помогут сориентироваться в современной политической философии. Задачи книги заставили нас ограничиться западной традицией: чтобы объяснить философию власти Индии или Китая, потребовалось бы долго объяснять устройство самой власти в этих странах на протяжении тысячелетий, для чего надо было бы писать совсем другую книгу.

Что такое власть в государстве

Слово «власть» в русском языке родственно слову «область»: предмет обладания. Изначально это множество земель, которыми можно распоряжаться. Так же и в латинском языке: *regio* — регион или направление, и *rex* — царь, государь — одного корня.

В греческом языке словарь власти разнообразен. Можно сказать «архе», начало, откуда русское слово «начальник» как перевод слова «архонт». Можно сказать «кратос», откуда происходят слова «аристократия» и «демократия», в первоначальном смысле — способность держать все под контролем, удерживать единство города и земель. Поэтому слово «кратос» переводится на русский как «держава», искусство удерживания. Есть и другие слова: например, современные греки называют хозяйственную власть словом «эксусия», то есть буквально «право на распоряжение имуществом».

В чем различие между политической властью и хозяйственным владением? Представим, что сосед передал вам свою квартиру в управление.

Вы не хозяин и не можете, например, сделать ремонт без разрешения соседа. Но у вас есть власть над квартирой — вы договариваетесь с другими жителями дома об общих условиях пользования домом, поддерживаете квартиру в чистоте, даже можете показать ее на выставке лучших квартир (если, конечно, это не будет вторжением в частную жизнь хозяина).

Тогда вы не хозяйничаете в чужой квартире, но показываете власть. Вы можете сделать эту квартиру основанием для выстраивания отношений с соседями; можете ее использовать, например, для приема гостей, если договор с соседом такое допускает; можете взять в качестве примера для обустройства собственной квартиры. Поэтому, если объяснять самую общую природу власти, проще всего сказать так: это отношения извлечения пользы, которые берут пример с отношений собственности и сами служат примером для правильного отношения к собственности.

В современной философии существует немало концепций власти. Некоторые философы считают, что власть появилась там, где возник избыток продуктов. Если такой избыток образовался, кто-то должен хранить и распоряжаться запасами. Возникает власть над этим избытком, и люди, оказавшиеся у власти, создают полицию и армию для его защиты, начинают покупать людей, оказавшихся в беде, на этот избыток —

так возникает рабство как долговой институт. Такой концепции придерживались Карл Маркс (1815–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895), ее развивают и современные популярные авторы, такие как Джаред Даймонд («Ружья, микробы и сталь») и Дэвид Гребер («Долг: первые 5000 лет истории»).

Есть и другие концепции власти. Например, консервативный немецкий ученый Карл Шмитт (1888–1985) считал, что власть рождается одновременно с политикой как различием «своих» и «чужих». Чтобы осуществлять власть, нужно объявить, что это «наши» — «наша страна», «наш народ», а все остальные — «не наши». Возникнет система управления: наши захотят, чтобы у «нас» все было хорошо, лучше, чем у остальных, и поэтому начнут работать не только на благо своего домашнего хозяйства, но и на благо всей страны. Эта концепция объясняет, почему в делах власти участвуют все граждане, хотя бы с правом совещательного голоса, но не говорит, как именно возникает идея различить своих и чужих. Ученик Карла Шмитта, Лео Штраус (1899–1973), предположил, что эта идея рождается с появлением письма как способа учета — тогда можно, например, пересчитать свое местное население и отличить его от чужого. Здесь Штраус близок марксизму, для которого власть — контроль, желательно письменный, над ресурсами.

Самая интересная концепция власти была предложена французским лингвистом Эмилем Бенвенистом (1902–1976) в «Словаре индоевропейской социальной терминологии». Согласно Бенвенисту, далеко не все идеи мы можем выразить в языке. Не получающие языкового выражения идеи находят выход на практике. Например, мы можем образовать будущее время от глагола «победить», и поэтому больше думаем о том, как победить на деле. Или нельзя сказать «я хороший», звучит самонадеянно, но можно сказать «я хороший хозяин», и тем самым обосновать институт собственности. Бенвенист объясняет, как возникла первая форма государства, осознанное хозяйство. Но как осознать целый космос, мир людей в их отношении с природой, как хозяйство? На это попытался дать ответ Платон.

**ГОСУДАРСТВО
КАК ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ
В ПОНИМАНИИ ФИЛОСОФОВ**

1 Дар

Платон

Платон (427–347 гг. до н. э.) был аристократом, происходил из царского рода Кодра. Он считал, что в хорошем государстве должна быть иерархия. Самые благородные, воспитанные и умные должны определять строй дел и событий. Философы знают, как им существовать в мире, и потому могут сотворить из государства настоящий стройный космос, по-гречески «прекрасный порядок». В диалоге «Государство» он настаивает на среднем размере идеального государства, но в своей жизни он пытался быть советчиком разных греческих государств, и Афинского, и Сиракузского.

Платон пришел к выводу, что государству нужно умное управление, но законы еще нужнее, потому что законы — это ближайшее достояние всех граждан. Управлять можно и хозяйством, горячо или равнодушно, но если дело начинается с законов — возникает профессиональная политика, вовлекающая в себя всех жителей государства.

Итогом жизни и творчества Платона стал диалог «Законы». Там, в отличие от других произ-